

ТИХО ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ

Уже без малого век существует в Перми университет. Пермь долго ждала его открытия, приветствовала это событие. Безусловно, университет повлиял на всю жизнь города. И это не только вновь открытые вузы, высококлассные специалисты, успешно развивающаяся наука, возможность получить отличное образование.

Это ещё нечто нематериальное, трудно поддающееся формулировке, тем не менее очень важное. Это, в частности, то, что наполняет глубоким смыслом сравнительно недавно возникшее в применении к университету прилагательное «классический», которое прицепили к университету, чтобы отличать его от множества новых университетов, прежде бывших институтами. А оно приобрело именно то значение, которое присуще этому определению. Оно подчеркнуло то, что отличает университет, поднимает над прагматичной повседневностью.

Но ведь сделали университет таким конкретные люди, носители традиций, носители культуры, знаний, духа, хранители огня. И этот огонь, может быть, не менее важен, чем все материальные достижения университета за все эти годы.

Несомненно, в ряду этих хранителей огня важное место принадлежит незабвенной Екатерине Осиповне Преображенской.

Екатерина Осиповна – человек высокой культуры, подпитанной и образованием, и семьёй. Она была незаурядна, с нестандартной биографией. Хотя некоторые этапы биографии, к сожалению, слишком типичны для этого поколения. Это и ссылка, и гонения, и долгий запрет на поездки в родной Питер.

Ограничусь несколькими импрессионистскими воспоминаниями о встречах и разговорах с Екатериной Осиповной в разные годы.

Впервые я увидела Екатерину Осиповну, когда мне было пять лет. Это было в 1940 году в Осинском доме отдыха. Расположенный сравнительно недалеко от Перми, на берегу Камы, был в то время очень популярен среди преподавателей, докторов, научных работников нашей области. И проезд, и путёвки туда были сравнительно недороги, а это было весьма существенно для данной категории людей, не избалованных в отличие от работников промышленности, тем более партийных

и советских деятелей, ни высокой зарплатой, ни бесплатным отдыхом в санаториях Крыма и Кавказа.

Екатерина Осиповна была там с сыном Сашей, я – со своими родителями. Я запомнила её потому, что она была как-то удивительно приятна, легка в общении. Всё в ней было лёгкое – походка, выбивающиеся из причёски волосы, улыбка, шутки. И ещё, конечно, я сразу заметила, с каким уважением, с какой нескрываемой симпатией относятся к ней мои родители. К сожалению, по причине своего тогдашнего малого возраста я немного помню из того лета. Хорошо запомнился лишь один эпизод с участием Екатерины Осиповны и Саши. В то же время там отдыхал Алексей Александрович Генкель с женой и дочерью. Это один из знаменитой семьи Генкелей, человек одаренный разносторонне. Он был неумолимым организатором в университете и участником всяческих концертов, любительских спектаклей. В доме отдыха он тоже организовал соревнования по бегу в среде университетских и их семей. Помню, что участвовали семья биолога Воронцова, математик Цыганков с женой, конечно, сам Алексей Александрович, его жена и дочь, Екатерина Осиповна с Сашей и мы с родителями. Какое же нужно было иметь обаяние, чтобы привлечь к соревнованию мою необщительную, неспортивную маму! А она не только бежала, но и победила в своей группе! Алексей Александрович всех разбил на группы. Мужчины, женщины, дети, кажется, отдельно мальчики и девочки. На асфальте мелом обозначили старт и финиш, Алексей Александрович запускал секундомер. Было очень весело. Мне кажется, он ловко устроил так, что бы в каждой семье был победитель в своей группе.

Я отлично помню, с каким азартом участвовала в беге Екатерина Осиповна, как легко и красиво она бежала и как радовалась победе моей мамы.

Потом долгие годы я лишь мельком виделась с Екатериной Осиповной на Заимке, в войну в продуктовом распределителе, ставшем в то время благодаря длительным очередям, ожиданию подвоза продуктов, местом приятного общения прикрепленных к нему сотрудников вузов Перми, их жён.

Примерно с 47-го года я стала заниматься французским языком с Эльзой Артуровной Мальмгрен. Это преподавательница иностранных языков из университета, жившая в том же первом общежитии, где и мы. Кафедрой иностранных языков заведовала тогда Екатерина Осиповна. Эльза Артуровна была одной из многих, пригретенных Екатериной Осиповной. По национальности она была шведкой, «швэдкой», как произносила сама. Родилась и жила до войны в Питере. С началом войны вся её семья была немедленно выселена из Питера. Две сестры с детьми попали в Казахстан, в деревню. Сама Эльза Артуровна жила сначала в Кунгуре, оттуда в Пермь её перетащила Екатерина Осиповна. Используя её знание языков, устроила на кафедру.

Кафедра жила дружно, все любили, цтили Екатерину Осиповну. Можно себе представить, с каким трудом, с каким риском было сопряжено для нее устройство на работу, переезд в Пермь человека с такой биографией в те годы. Это при том, что сама Екатерина Осиповна прошла уже и ссылку, и опалу, и арест мужа. А ведь

Эльза Артуровна была не единственной с такой биографией, кому помогла Екатерина Осиповна.

Преподаватели иностранных языков составляли тогда несколько особую категорию. Среди них было довольно много таких, кто хоть и родился в России, но имел иностранную фамилию, «неудачную» национальность. Значит, и претерпели уже в жизни эти люди достаточно. Да и теперь им жилось нелегко. Бдительный контроль со стороны властей, маленькая зарплата, часто разлука с близкими. Но все они держались удивительно достойно, «держали спину», как говорили прежде. Все много читали, интересно общались. Эльза Артуровна часто приводила мне слова Гёте, которые в переводе с немецкого звучат примерно так: «Только запусти руку в полную человеческую жизнь, и всё, что ты ухватишь, будет интересно». Так они и жили, а первой среди них была, безусловно, Екатерина Осиповна.

Кажется, только после смерти Сталина жизнь их стала немного легче. Незадолго до этого им, наконец, дали паспорта, которых они были лишены, разрешили многим съездить в Питер, в Москву, к родным.

После переезда в 1954 году в Дом учёных мы с Екатериной Осиповной стали соседями, хотя и жили в разных подъездах. Она ещё чаще стала встречаться с моим отцом, к которому всегда прекрасно относилась. Порой они вместе ездили в университет или обратно. Екатерина Осиповна рассказывала отцу о своей юности в Питере, о теософском обществе, в которое входила. Отец подшучивал над этим увлечением. Он часто шутил, но делал это абсолютно необходимо для собеседника. Екатерина Осиповна всегда много читавшая, радовавшаяся интересным книгам, рекомендовала отцу только что изданного у нас Кафку, даже, кажется, принесла книгу. Порой она звонила мне, приглашала зайти, чтобы я взяла почитать что-то особенно ей понравившееся. И всегда это было что-то нестандартное, не то, что читали массы. Это могли быть труды Неру, которым она тогда восхищалась, или только что изданные дневники Жана Кусто.

В её крохотной комнате, которую она занимала в громадной, густонаселённой квартире, было очень уютно. Вольтеровское кресло, гравюра с видом на набережную Сены напоминали детство. Екатерина Осиповна обязательно провожала гостя до дверей, непременно подавала пальто. Её соседи – семья университетского физика Малеева – были очень приятными людьми, относились к Екатерине Осиповне с большой симпатией.

Как-то при встрече Екатериной Осиповной с негодованием рассказала отцу, что какой-то студент-двоечник закатился к ней домой с просьбой о зачёте, которую подкрепил бутылкой коньяка и какой-то закуской. Отец был в восторге. По тому времени событие нетипичное. Но, чтобы предложить взятку Екатерине Осиповне, да ещё в виде выпивки, надо было быть полным идиотом! Папа всё допытывал, хорош ли был коньяк, не догадался ли юноша принести солёный огурец. Упрекал Екатерину Осиповну, что не пригласила его на распитие, пила одна, втихомолку. Словом, развеселил Екатерину Осиповну, избавил от обиды и

неприятных ощущений, которые она поначалу из-за этого испытывала.

Уже совсем недавно я узнала об одном прямо-таки противозаконном поступке отца, в котором его соучастницей была Екатерина Осиповна. Дело касалось одного сотрудника университета. Его давно нет в живых, я не буду называть, кто это.

Отец мой был тогда проректором по научной работе. По долгу службы он тормозил преподавателей, требуя защиты диссертации. С некоторой категорией людей делал он это ещё и по велению сердца. Речь идёт о молодых сотрудниках, сравнительно недавно вернувшихся с войны. Это были прекрасные преподаватели, серьёзно занимавшиеся научной работой, отличные люди. Зарплата ассистента была весьма скромной, жили они, снимая углы или в лучшем случае занимая полкомнаты в общежитии. Но тратить время, силы на оформление работы им не хотелось. Лучше посидеть в лаборатории, в библиотеке. Отец часто вызывал их, нещадно ругал, расстраивался, что не понимают ребята необходимости защитить диссертацию хотя бы для улучшения своей жизни, жизни семьи. Обгонят их молодые карьеристы! А тут ещё ввели кандидатские экзамены. Для вчерашних фронтовиков часто это было очень сложное препятствие. Один из них, не просто фронтовик, инвалид, наотрез отказался сдавать немецкий язык, а работа у него была готова, причём отличная. И отец каким-то образом устроил так, что в документах появилась запись о сдаче им иностранного языка. Конечно, не обошлось в этом деле без сообщника, которым была заведующая кафедрой иностранных языков Екатерина Осиповна. Для того, чтобы помочь достойному человеку, Екатерина Осиповна, не задумываясь, пошла на нарушение правил.

Когда умер мой отец, Екатерина Осиповна была в Москве у сына. Вернувшись, она при встрече обняла меня, что было ей совсем несвойственно, прижалась головой к моему плечу, помолчала. Потом, прогуливаясь со мной вдоль дома, рассказала мне несколько эпизодов из жизни отца, о которых я не знала. Все они касались защиты им несправедливо обиженных, гонимых. Рассказала Екатерина Осиповна и случай, произошедший с ней. Когда-то в начале «оттепели» ей разрешили наконец съездить в родной Питер, а какой-то её сотруднице, тоже высланной в своё время оттуда, такого разрешения не дали. Дама не придумала ничего лучше, как пойти в соответствующий отдел и пожаловаться. Она рассказала об известных ей и о сочинённых «тёмных фактах» в биографии Екатерины Осиповны. Этим она пыталась доказать, что совершена несправедливость, пустить нужно было её, а не Екатерину Осиповну. Слава Богу, время, когда это могло роковым образом сказаться на жизни Екатерины Осиповны, миновало. Каким-то образом всё это стало известно Екатерине Осиповне. Больше всего её потрясло то, что эту даму она в очень трудное для той время вытащила из какой-то дыры, с громадным трудом устроила на кафедру, даже хлопотала о жилье для неё.

Екатерина Осиповна рассказывала мне, что было ей очень тяжело, обидно. Поделиться ни с кем она не могла. И факты доноса были переданы ей конфи-

денциально, да и гордость не позволяла. И тогда она пришла в кабинет к моему отцу, который не имел к этому ровно никакого отношения, рассказала ему всё, расплакалась. «Почему именно к нему? Просто, я знала, что это тот человек, с которым этим можно поделиться, который всё поймёт». Отец выслушал и сказал: «Екатерина Осиповна, ну как же Вам не стыдно! Никогда не видел Вас плачущей, а тут разревелись из-за какой-то дряни, которая не только Ваших слёз, а и упоминания не стоит». И Екатерина Осиповна сказала, что ей и впрямь стало стыдно. Через пять минут отец развеселил её чем-то, она ушла, смеясь, совершенно забыв, из-за чего приходила.

Когда в моей жизни наступила чёрная полоса, пошли гонения, порой положение казалось безвыходным. Одной из тех, кто горячо переживал за меня, старался поддержать, чем только возможно, была Екатерина Осиповна. А когда, наконец, пришло известие, что справедливость восторжествовала, Екатерина Осиповна на улице просто кинулась обнимать меня!

Милая Екатерина Осиповна, не занимавшая никогда высоких постов, не примелькавшаяся в президиумах всяческих заседаний и торжеств, последние годы жизни и не работавшая уже, тем не менее всегда оказывала огромное влияние на атмосферу университета, на его нравы, на его жизнь. На её воспитанность, аристократичность в сочетании с истинным демократизмом, без фамильярности, равнялись даже неосознанно.

Расскажу ещё об одном случае, подтверждающем деликатность Екатерины Осиповны. В последние годы даже она иногда упоминала о своих болезнях. Как-то по этому поводу я предложила ей обратиться к Евгении Васильевне Модестовой, нашей общей знакомой, хорошему доктору и отличному человеку. Екатерина Осиповна радостно согласилась навестить эту семью. Поехали на такси, причём мне стоило большого труда и уловок не дать ей оплатить поездку. Она была на пенсии, весьма стеснена в средствах.

Нам были рады, поили чаем, завязался интересный разговор со множеством общих воспоминаний. Мать Евгении Васильевны в прошлом тоже преподавала немецкий язык только в медицинском институте. Подходит время для прощания. Евгения Васильевна отзывает меня в другую комнату и недоумённо говорит: «Ведь Екатерина Осиповна хотела посоветоваться со мной относительно своего здоровья? Что же она молчит?» Я пошла с этим вопросом к Екатерине Осиповне. Та ответила: «Так неприлично же приехать в гости и занимать присутствующих рассказом о своих болезнях!» И это при том, что мы специально приехали по этому поводу! Недоразумение разрешилось. Екатерина Осиповна получила необходимые рекомендации.

Скончалась Екатерина Осиповна в Москве, у сына. И в университете стало меньше на один огонёк!

Не жизни жаль с томительным дыханьем, что жизнь и смерть?

А жаль того огня, что просиял над целым мирозданием, и в ночь идёт, и плачет, уходя.

Светлана УСТЬ-КАЧКИНЦЕВА